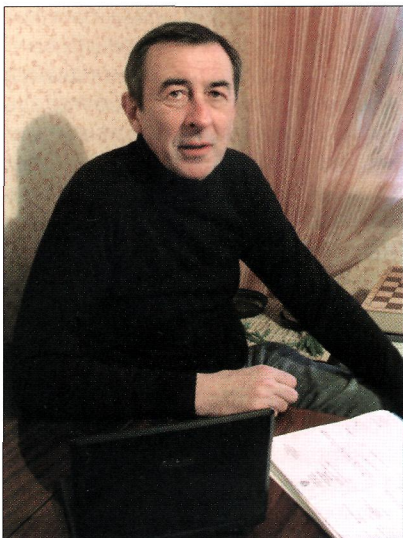


Господин воспитатель

Таможенное дело в России в начале 18 века – как, впрочем, и многое другое, развивалось иначе, чем в западных странах. В стране проводилась фритредерская политика, то есть тарифные ставки на товары были занижены. Конечно, в этом случае контрабанда не представляла большой угрозы. Но главное было даже не в этом.

Развитие торговли требовало усовершенствования таможенного дела в стране. Для этого в 1718 году Петром Первым была учреждена Коммерц-коллегия, укреплялись границы. Однако протекционистский тариф 1724 года ослабил приток таможенных доходов, так как сдерживал внешнюю торговлю. В результате в 1725 и 1727 годах тарифы на ряд товаров были снижены. А, скажем, с Англией был введен режим наибольшего таможенного благоприятствования. Поступления от таможенных сборов возросли. Казалось бы – развитие Петровских реформ являлось делом, выгодным стране. Это понимали прогрессивные люди того времени. Однако существовали обстоятельства как объективного, так и субъективного характера: смена царствующей особы, борьба политических партий, симпатии духовенства и народа и тому подобное. И в 1731 году был принят новый тариф, чье появление вызывает вопросы исследователей до сих пор.

В соответствии с новыми тарифами на товары, не производимые в стране, пошлина составляла до 10%, на товары производившиеся – до 20%. Это исключало возможность покровительственной системы, в которой остро нуждалась нарождающаяся промышленность России. Страна вступала в «темный период» своей истории. Кто и что могло помешать тогда поступательному движению страны в самый необходимый, ключевой период ее развития, – одна из загадок развития таможенного дела в России. Маятник нашей Истории мог качнуться как в одну, так и в другую сторону.



Александр Матвеев

Зимним днем 1742 года по бескрайним просторам Сибири пробирались сквозь пургу конь и человек. Они давно уже сбились с пути и двигались вперед ради одной им ведомой цели. У коня Чалого это была воля к жизни, а человеком двигало еще одно, не менее важное обстоятельство, – чувство долга. С этим ощущением принадлежности к некоей силе, которая все знает и понимает, и прожил свои шестьдесят годков Прохор Собакин. Бог даст, проживет и еще. Не может он вот так просто за-

мерзнуть здесь, в тысячах верст от родного дома, не выполнив воли того, кто благословил его в этот далекий путь, Ивана Алексеевича Долгорукова. Хотя, если разобраться, ведет Прохора сквозь бурю тот, кто уж десять с лишком лет сложил голову на плахе, родитель Ивана Долгорукого присной памяти Алексей Григорьевич, обожаемый и любимый хозяин и повелитель. Некогда – почти император Российской.

«Ступай, ступай, враг впереди, он не должен добраться до места», – словно голос убиенного князя Долгорукого. Или – ветер воет? Прохор попытался поднять голову, стараясь различить нечто во враждебном сибирском небе. Снег слепил глаза. На миг Прохор почувствовал подкрадывающееся отчаяние. Похоже, что, пытаясь срезать дорогу к Верхотурью, он слишком уклонился влево. Прохор постарался собрать волю в кулак. Вспомнить то, что поможет не сдаться. Но мысли разлетались, словно снежные иголки.

Запряженная в четверку карета остановилась у таможенного поста. Конный конвой в составе трех человек спешил. Люди с трудом разминали застывшие на морозе ноги.

– Верхотурье, ваше превосходительство! – пробасил обладатель пышных заиндевелых усов, начальник конвоя, стукнув в окош-

ко кареты кривым указательным пальцем.

Сидевший в карете пожилой человек в соболиной шубе чуть кивнул, подернул крючковатым носом: надо же – «превосходительство».

Странно, но к нему, ссыльному, обращались с должным уважением. Даже выделили карету, взгроможденную нынче по причине зимы на полозья. Хотя и не такую, в какой доводилось ездить прежде, но достаточно просторную. Багаж кое-какой поместился.

– Кого везешь, служивый? – интересовался начальник таможенной стражи у главного конвоира.

– Самого главного немца, – со значением ответил усатый конвоир.

Таможенник с красной физиономией что-то промычал, подумал: «Начальству б доложить, что немалая птица залетела. Ссылный, конечно, ну да мало ли что».

Еще бы – в карете находился тот, кого взошедшая на престол императрица Елизавета боялась более, чем кого-либо другого, некогда всемогущий Генрих Остерман.

Всем было ясно, что Елизавета отныне будет править посредством русских людей. Все русское, что было поругано и унижено, вступало в свои исконные права. Гренадеры Преображенского полка, что произвели переворот, были усыпаны наградами. Гвардия тоже



Генрих Остерман

– «за успех в восприятии престола» сполна получила свою награду. Популярность нового царствования обуславливали милость к русским людям и свержение иноземцев.

Но не знал красномордый стражник, что этот «немец», переживший пять царствований и всех временщиков, сделал для российской таможи столько, сколь не сподобился сделать не один русский. Разве, что – Петр Великий. Да и не зря Остерман был прозван иностранцами «самым русским немцем». Но ни заслуги, ни регалии не спасли Остермана от следствия и возведения на эшафот. И лишь в самый последний момент казнь была заменена высылкой в Сибирь. Спасибо и на том, матушка Елизавета...

Царский воспитатель, барон Андрей Иванович Остерман (а именно так наказывал величать себя этот один из умнейших людей своего времени, изъяснявшийся только по-русски) как-то сразу понял, что для успешной карьеры в России надобно полностью посвятить себя новому отечеству, сжиться с ним. Его вдохновляла великая идея Петра вдохнуть новую жизнь в патриархальное общество. В этом было отличие Остермана от иноземцев, что считали себя благодетелями и просветителями «неумытой» державы.

– «Никогда ни в чем этот человек не сделал погрешности», – говорил о нем царь Петр Алексеевич, поручавший Остерману важнейшие дела. – «Я никогда не замечал за ним ни малейшего недостатка». Впрочем, иные считали за таковой редкую хитрость Остермана. Но именно благодаря этой изворотливости и предприимчивости «русского немца» Россия во многом осталась обязанной Андрею Ивановичу. К примеру, сохранением Выборга.

Тогда русский царь, утомленный войной со шведами, не слишком мешал Ягужинскому вести переговоры о сдаче города. Однако Остерман, знавший о привычке главного дипломата к застолью, уговорил его (с помощью генерала Шувалова) «попьянствовать» пару дней в Выборге, надеясь за это время выторговать город у шведов. План удался. Когда же протрезвевший дипломат уже собирался к государю с сообщением о сдаче Выборга, вопрос был решен: тоже уставшие от войны шведы уступили город. Петр был потрясен и расстроган до слез: ну как России без такого человека!..

Но еще больше поразил императора Остерман во время Ништадского мира, когда вернул в казну девяносто тысяч червонцев из ста, выделенных на подкуп шведов. Ненавидящий казнокрадов Петр сделал Остермана бароном и вице-канцлером. И кому, как ни этому незаменимому человеку, следовало быть душой устройства таможенных дел. А ситуация того требовала. И у каждого сословия были свои интересы.

Дворяне настаивали на немедленных реформах, порой не особо вникая в суть предполагаемых перемен. Купцы горячо ратовали за отмену «новоуравнительной» пошлины, взимаемой с 1714 года с местных оптовых покупателей. Но наибольшую заботу представляли иностранцы. Ссылаясь на таможенный опыт «просвещенной» Швеции, они требовали упразднения внутренних таможен. А таможен этих накопилось аж пятьсот, и закрытие их могло привести к серьезным дырам в государственной казне. Конечно, царь Петр иностранцам благоволил, так ведь он-то, Остерман, России служит. Думай, Генрих...

Проходивший в очередной раз потянул за уздцы, помогая Чалому, и понял, что сил осталось ровно на то, чтобы выпрячь коня из саней. Случись ему замерзнуть, возможно, умное животное само сумеет найти путь к жилью. Да и волки рыщут в округе. Проходивший постоянно ощущал их незримое присутствие, порой слышал протяжный жутковатый вой этих хозяев здешних мест. Затем надо взгромоздиться на сани и отдохнуть. Главное – не спать. Иначе все его усилия напрасны. Да и глупо замерзнуть, когда почти настиг проклятого немца.

За время долгого пути Проходивший не раз представлял, как отвлечет охрану, как вонзит нож в сердце ненавистного Остермана. Впрочем, Собакин все чаще ловил себя на мысли, что ненависть капля за каплей тает в его сердце. Как и уходит сила из натруженного тела. Да и была ли она эта ненависть? Был долг, а прошло уже столько лет...

Тот январь 1730 года был памятен Проходившему не только необычностью постоянно менявшейся погоды (то неожиданная оттепель и вьюги, то – редкий по силе мороз), и даже не чередой скорбных событий. Хотя – и последним тоже. Сначала пришла весть о кончине в Березове Меншикова. А вслед за этим и дочери его, бывшей невесты императора благочестивой и любимой многими Александры Даниловны. Сестра Проходившего душу Богу отдала в аккурат шестнадцатого, оставив троих малолетних детей. А семнадцатого пришли худые вести из Слободского дворца: больному оспой отроку Петру Второму стало совсем худо. В тот день господин Проходившего, обожаемый, князь Алексей Григорьевич Долгорукий пригласил в свой дворец всю родню для тайного совета.

Как рассказывал князь, накануне Петр Петрович, по своей отроческой живости имел неосторожность отворить окно. Внезапно закрылась высыпавшая по всему телу оспа, и надежды не стало никакой. Царь впал в беспамятство, и вопрос о престолонаследии встал остро, как никогда. Единственный из дворовых людей, кто безмолвно присутствовал на совете (кому-то надо и подать-принести) верный Проходившего поневоле проникся важностью момента. Еще бы – речь шла о том, чтобы власть перешла к

нынешней невесте отрока, княжне Екатерине Долгорукой.

Жарко стало от споров в Головинском дворце. Князь Василий и Михайло Владимировичи неожиданно выступили против наследования престола Екатериной Долгорукой. И основания на то у Владимировичей были.

– Княжна не венчалась с государем, – басил Василий Владимирович.

– Не венчалась, так обручалась, – парировал брат хозяина Сергей Григорьевич.

– Одно дело венчание, а иное обручение, – басил Михайло Владимирович. – Да и многие из нашей фамилии в подданстве у нее быть не захотят.

– Уговорим! А тех, кто признать Екатерину откажется, бить начнем, – Григорьевичи, родные братья хозяина гнули свою линию. Нельзя такой момент упускать, дураку понятно. А вот твердолобым Михайловичам – почему-то нет!

Обручение вспомните! Как по правде было?

Княжна Екатерина Алексеевна, носившая название «государыни-невесты», окруженная матерью и сестрами, княжнами из Долгоруких, вышла из запряженной цугом кареты, на передней части которой стояли пажы. Торжественный проезд, очень торжественный, счетом более тысячи человек должен был занять караул во время обручения. От Головинского дворца двинулись через Язуз к Лефортовскому дворцу, пока оркестр не заиграл. И музыка играла, пока молодые не вступили на персидский ковер, на котором стоял четырехугольный стол с ковчегом и – на нем и двумя золотыми тарелочками с кольцами обручальными. Феофан Прокопович, архиепископ новгородский, обряд свершил. Как вчера было – помнится. Так чего ж Долгорукие во мнении разошлись в тот злопаятный день, когда государь кончался? Трудно холопу истину простую понять. А ведь в тот момент род Долгоруких достиг крайних пределов величия. Однако же...

Пророческие слова сказал князь Василий Владимирович в выражениях столь резких, что привести их возможности не представляется. Сказал и прочь пошел. А смысл этих слов таков был: неправого добиваться – себя погубить.

Да только крупная игра пошла.

Об этом сказал Алексей Григорьевич, когда оставшился во дворце Долгоруковы снова вернулись к вопросу о богатейшем в Европе наследстве. Вопрос сам собой возник.

– А нельзя ли написать духовную от имени государя, якобы учинил он наследницей невесту свою Екатерину Долгорукую?

И так получилось, что, севши в комля, взял лист бумаги князь Сергей Григорьевич.

– Ай, да, сынок! – ахнул старший Долгорукий. А за ним и остальные: кто бы лучше почерк государя изобразил!

Так и была написана духовная от имени государя. Да еще и в двух экземплярах.

Переглянулись: улучим время и на подпись государю, а там, может и не прознают.

Подсунуть документ сей предочи царя надлежало князю Ивану Алексеичу. Царю не до внимательного чтения сейчас – только подмахни. Мол, не такой и важный документ: о таможенных сборах речь идет. Так, мол, ерунда: сибирской таможи дело касается, в некоем Верхотурье. Краем уха об этом вопросе старший Долгорукий слышал. От Остермана. Тот любил всякой ерундой заниматься. Ну, подумаешь – таможня, не казначейские же дела. Так и Остерману сказать надо, ежели к государю допустить не захочет. Твоими, мол, Генрих, делами занимаемся, тебе в помощь. У того-то сейчас голова здоровьем государя забита, не до Верхотурья какого-то, читать не станет.

Да кто б тогда предполагал из самонадеянных князей, что важен вопрос таможенный. Особенно для господина царского воспитателя. Вот он-то, этот вопрос, тогда все дело и перевернул. Если б не он, глядишь – по-другому история российская повернулась.

Директор таможни Верхотурья Иван Ильич Рогов, человек тертый, узнав о появлении в своих владениях столь значительной фигуры, крепко дернул себя за бороду. Надо же кого занесло! Хоть и бывший, а вельможа. Да и для таможенного дела много полезного сделал. Негоже такого человека на ветру держать, надо бы в главную таможенную избу пригласить. Обо-

греть, угостить, чем Бог послал. Иной, быть может, и не решился бы на такое, но Рогов был человеком со своим достоинством. А главное – должность свою не случайно занимал. Знал, что почем в таможенном мире, с чего все начиналось.

В 1715 году была создана Коммерц-коллегия. Управляющий коллегией П.М. Апраксин представил государю подробную записку о структуре и задачах нового учреждения. Но лишь немногие знали, что самое деятельное участие в записке, ориентированной на внешнюю торговлю, принимал Остерман. И не случайно шесть пунктов из пятнадцати были посвящены таможенной политике и увеличению пошлин.

В состав коллегии предполагалось включить шестнадцать представителей купечества и четырех родовитых дворян. Филиалы (конторы) намечалось открыть в Астрахани, Архангельске, Нарве, Пскове, Ревеле и Риге. В дальнейшем в состав коллегии и филиалов вошли таможенные служащие и иностранцы. В 1719 году Коммерц-коллегия распорядилась откомандировать в ее распоряжение подьячих из Московской большой таможни, из Нижнего Новгорода и Вологды. Расчет Остермана и Апраксина состоял в том, что провинциальные чиновники лучше других знают положение дел на местах.

И дело завертелось. В том же году в соответствии с регламентом Коллегии в ее ведение перешли дела купцов, касающиеся погрузки и выгрузки товаров, утаивания от досмотров и прочих таможенных вопросов. Был определен круг должностей, расширились штаты. Во главе таможен стояли директора из дворян. Далее по рангу шли их замы, тоже из дворян.

Чиновничья схема была отлажена четко: комиссары таможен, загадочные «оберцолгеры». В таможнях имелись инспектора, амбарные контролеры, досмотрщики. А также непривычные русскому уху, но столь милые сердцу Генриха Остермана «стемпельмейстеры» и «вагмейстеры». Педантично, строго по-европейски, выстраивалось то, что должно в будущем служить на благо России.

«А ведь и служит», – думалось Остерману, когда он подходил к порогу крепко сбитого дома таможни

Верхотурья. Раз сам начальник таможи приглашает переждать буран здесь, грех не воспользоваться. Проснулась даже вечная любознательность: интересно, а как здесь дело организовано, раз уж в такую даль занесло. Остерман даже повеселел.

Остерман имел обыкновение появляться в таможенных учреждениях в совершенно неожиданное время, как он любил говорить, с целью «инспекции». Учитывая то, что рабочий день чиновников длился по 12 часов: с пяти утра до двух часов дня и с пяти до десяти часов вечера строгого «инспектора» можно было ожидать в любое время. Поэтому надзирающие за порядком прокуратуры тщательно следили за дисциплиной, фиксировали в специальных журналах время прихода и ухода чиновников. Начальство знало, как недоволен был Остерман, когда на каком-либо из столов не оказывалось знаменитого «зеркала» с указами Петра. Эти треугольные пирамидки предписывали чиновникам соблюдать определенный порядок в работе. Дисциплина – прежде всего, говаривал «русский немец», но речь, в сущности, шла о вещах куда как серьезных.

Если объективно на русского человека взглянуть, то всего в нем в достатке: и ум, и совесть, и взглядов широта. Только для серьезных дел еще и педантичность немецкая требуется. Без нее вершин, обозначенных государем Петром, не одолеешь. Остерман не раз ловил себя на мысли: привей русскому эту пунктуальность западного человека, и равного бы ему в мире не было. Такого натворить сможет – дух захватывает! Но не распускаются на гладкоствольной березке мощные дубовые листья, да, может, оно и к лучшему: Бог ведает, чего такой человечиче сотворит, особенно – под настроение... Одним из таких «человечищ» был ни кто иной, как Меньшиков Сашка. Когда пришел к нему Остерман со своими предложениями по поводу устройства таможи, встретил отпор русского самодура. Да и чего было ожидать от того, кто «из грязи, да в князи»? У русских это сплошь и рядом случается.

В 1727 году, сделавшись впол-

не всемогущим владыкою, Меньшиков возвысил голос – нет, не на него, Остермана, воспитателя государева, а на задумки Петра, предложенные тем, кто единственный мог бы эти задумки в жизнь воплотить, на Андрея Ивановича. А началось с того, что Меньшиков стал придираться к Остерману за то, что не так ведет воспитание государя. Русская нация, мол, не такого воспитания для царя желает. Да и чему хорошему может научить лютеранин православного отрока! Может, он вообще хочет государя от церкви отвадить? Конечно, Остерман пытался объяснить, что это совсем не так. Но Меньшикова разве остановишь: атеистом воспитателя обозвал. Тут и Андрей Иванович не выдержал, голос на светлейшего князя возвысил. И пошло-поехало.



В. А. Суриков. Меньшиков в Березове. 1883. Холст, масло.

– А не много ли ты, немец, на себя берешь? – потрясал кулачищами Меньшиков.

– В самый раз, светлейший. А, если мешать мне станешь, в Сибирь окажешься. Много всего про твои несправедливые делишки знаю. – Остерман прямо смотрел в лицо князю.

Барон Остерман действительно считал Меньшикова мужиком и знал про него многое. Воровать вельможа любил и делал это порой настолько нагло, что оставалось только развести руками. Барон всегда поражался способностью русских чиновников к воровству: тащили все, не задумываясь о последствиях. Но Александр Данилович превзошел всех – крал с вдохновением, присущим русскому человеку, нагло. С юным Петром – и

то не церемонился.

Как-то цех петербургских каменщиков поднес императору в подарок десять тысяч червонцев. Эту сумму государь отправил в подарок сестре. Придворный, который нес деньги великой княжне Наталье Алексеевне, подарок так и не донес. На пути возник Меньшиков.

– Государь наш молод. Как обращаться с деньгами не знает. Дай-ка, братец, деньги мне. А я с государем поговорю, объясню ему, как всем этим лучше распорядиться.

Когда, увидевшись с сестрою, Петр узнал, что подарок она не получила, разгневался.

– Ты куда деньги дел, негодяй? – вопрошал слугу государь.

– Меньшиков отнял, – признался слуга.

Царь велел срочно позвать к себе Александра Даниловича.

– Как вы смели, князь, не допустить моего придворного исполнить мое приказание?

Меньшиков был ошеломлен: словно тень покойного Петра мелькнула. Но нашелся.

– Ваше величество, в нашей казне большой недостаток денег. Как раз сегодня я собирался представить вам доклад о том, как употребить эти деньги. Но, если вашему величеству угодно, я прикажу воротить эти десять тысяч чер-

вонцев. Я даже из собственной казны готов дать миллион для пользы отечества.

Император был поражен названной цифрой, однако топнул ногой.

– Я император и мне надоело повиноваться! – с этими словами Петр отвернулся и ушел. Хитрый царедворец последовал за ним, стараясь как-то смягчить повелителя. Конечно, никаких денег Александр Данилович в казну вносить не собирался.

И об этом случае напомнил Остерман разбушевавшемуся Меньшикову. Да еще и присовокупил: ничего путного в России никогда не будет, пока воровать не прекратят. На что Меньшиков усмехнулся: скорее рак на горе свистнет, чем такое случится. Да

Остерман и сам об этом догадывался. Словом, тогда поняли вельможи друг друга.

Более таких стычек не случилось, и много полезного сделать удалось. В управлении Меншикова были изданы облегчительные для народа распоряжения по торговле. Теперь всем дозволялось заниматься обработкой металлов Сибири. Перестала быть казенною монополией и торговля мягкой сибирской рухлядью. Каждому было дозволено торговать драгоценными камнями, тогда как прежде надо было представлять их в царскую казну и то, что не признавалось годным для казны, позволялось продавать. Были значительно сбавлены пошлины с пеньки и галантерейных товаров. По случаю пожаров, истребивших суда на Неве, владельцам этих судов предоставлялось платить с товаров, привозимых на их судах, половинную пошлину. Чтоб умножить торговлю с Новгородом, дозволялось плавать по Ладожскому озеру судам всякого устройства и доставлять на них в столицу хлеб, сено, плоды, овощи, деревянную и глиняную посуду без всякого досмотра. Был построен мост, соединивший Васильевский остров с Петербургом.

Об этом думал Остерман, расположившись на скамье подле русской печи, украшенной изразцами. Одновременно прислушиваясь к хозяину таможенной избы. Время от времени вопросы задавал. Некоторые замечания делал.

Справа в углу хлебали щи свободные от дежурства таможенники и стрельцы. Косились слегка на начальника, Рогова, который задушевно беседовал со странным человеком, доставленным в арестантской повозке. Даже скорее не беседовал, а отчитывался, словно какой школяр. Ни до, ни после подчиненные Рогова таким не видели.

Да и как им было осознать, что Остерман это. Речи ведет необычные.

– А я бы, господин Рогов, купцам, замеченным в контрабанде, амнистию объявил. А заодно и чиновникам нерадивым. А потом спросил бы по-иному: рублем бы наказал. Все казне польза, да и по-христиански это. Ну, и о новых таможах подумать неплохо. И на границах и в Сибири. Как считаете?

Размышлял, словно и не покидал

столицы. И с ним, Роговым, беседовал, как равный с равным. Ну, как такому человеку не удивляться?

Прохор, положивший себя на волю Божью, хлестнул Чалого и бросил, все, что от него самого, грешного, осталось, на сани. Последнее вспомнилось.

Князь Алексей Григорьевич спросил у сына. Строго спросил.

– Ты о таможенных делах с Воспитателем говорил?

Ответ был сквозь зубы. Плохой ответ.

– Насчет Верхотурья?.. Было дело. Сказал воспитатель, что все, касательно таможи, через него пройдет. Отдай, мол.

– Отдал?

– Нет. Хотя Остерман сильно настаивал. Может, заподозрил что?

– Да, у этого немца нюх лучше собачьего. Однако надо было отдать.

Младший Долгоруков кивнул: на всякий случай у него действительно имелась записка касательно таможенного устройства.

Посмотрели друг на друга: не о таможене речь, конечно, о жизни. О будущем, что в полнейшей мгле виделось. Прошлое подпирало: тот день, когда ввязались Долгорукие в борьбу за власть.

Бывший друг князя Меншикова Остерман, во многом способствовавший падению временщика, мог стать таким же всемогущим, как некогда Александр Данилович. Этого отец и сын Долгоруковы допустить не могли. Хуже всего было то, что великая княжна Наталья Алексеевна, имевшая на царственного брата огромное влияние, благоволила Остерману. Долгорукие стали сближаться с цесаревной Елизаветой, которая получала все больше и больше власти над сердцем государя. Однако подлый немец смог очаровать и ее. Оставалось одно – пытаться напрямую влиять на царя. Но как – при воспитателе Остермане подобраться к царственному отроку? И выход был найден. Старый как мир: лесть и потакание низменным желаниям, выдавая их за возвышенные. Пришлось лишь избранным.

Петр Второй напоминал своего деда Петра Первого тем, что требовал, чтобы все вокруг него делалось так, как ему хочется. Надоели учителя? Прекрасно: зачем учиться тому, кто по рождению и

без того умнее остальных! Хочется интимной связи с женщиной? Это же так естественно для юноши! Ну и что из того, что запрещает господин воспитатель! Да кто он такой! Можно устроить свидание с девушкой, некогда служившей у Меншикова, заплатив ей тысяч пятьдесят рублей. Остерман был в ярости. За душу юного императора началась ожесточенная борьба. То, что ожидало проигравших в этой битве, было понятно. И вот теперь, когда юному царю оставалось жизни, быть может, несколько часов, замыслы Долгоруковых поворачивались против них самих.

Долгорукий-отец странно взглянул на сына.

– Духовная – где?

– Здесь, батюшка.

– Сюда дай, чтобы никто не видел, и не попала бы кому в руки. А с господином воспитателем, час придет, рассчитаемся. Много кровушки он нам попил, ой много. – И князь выругался. Темно и страшно. Поблудил сын и навеки запомнил эту угрозу. Слышал слова эти и Прохор Собакин

Чалый всхрапнул. Снежная круговерть забивала коню ноздри. Плохо нынче в пути, даже коню. Близко Костявая: холодным дыханием лица коснулась. Знать, пора пришла повстречаться с нею верному слуге князей Долгоруковых Собакину Прохору.

Прошел год. Остерман, сидя в крестьянской избе у русской печки, читал полученную с оказией корреспонденцию. Особенно заинтересовало его письмо из Верхотурья. Начальник местной таможи Рогов благодарил Остермана за советы по поводу устройства дел таможенных. Сообщал, что в штате появился еще один дьяк. Теперь число таможенных дьяков достигло трех, что вполне соответствовало объему работы. Еще предполагалось устраивать на отхожей ярмарке Верхотурья сезонные торги. Рогов писал, что добился сооружения для этих целей нового таможенного строения. К сему прилагался чертеж строения и описание его. Выглядело это так.

«Таможенная изба для сбора в ярморочные времена таможенных пошлин, и к ней приделаны небольшие сени, в них для содержания таможенных мер и весов чулан. Под тою избою в подобие подклета

заделать стойку для продажи вина. Мерово изба: длинную и поперек по четыре сажени трехаршинных, каждая стена с углами, сени не более трех сажен, поперек против избы, а в высоту семь аршин.»

Строение предполагалось сделать каменным, что было смелым и неожиданным решением. Впрочем, почему «неожиданным»? Некогда размышлял над этим Остерман, да все руки не доходили. А ведь хорошая каменная изба – необходимая вещь.

Получил весточку и Прохор Собакин. С тех пор, как экипаж Остермана подобрал замерзающего Прохора на тракте, Собакин служил у Андрея Ивановича. Служил верно, стараясь не вспоминать то, зачем был послан.

Письмо было написано рукою князя Долгорукова спустя несколько дней после отъезда Прохора из столицы и чудесным образом достигло адресата. Хотя и с большим опозданием. А содержание письма было и вовсе удивительно: князь заклинал Прохора забыть о цели его путешествия. Князь писал, что не хочет более крови, страшится ее.

Прохор подошел к печи. Подложил сухое полено. Задумался: рассказать ли Андрею Ивановичу содержание письма. До сих пор Прохор никак не мог решиться рассказать Остерману о черных замыслах, некогда лелеянных им. А тут вроде случай подходящий.

Прохор искоса взглянул на скорбленную фигуру с седовласой головой и крючковатым носом. Голова Остермана чуть покачивалась в такт каким-то его мыслям. А размышлял Остерман о задумке Рогова о строительстве «таможенного строения». Отличная мысль, да вот только сколько еще это строение таможене послужит? Не отберут ли влиятельные люди добротное строение для иных целей? Это же Россия: здесь все возможно. К тому же сам Андрей Иванович не раз предлагал проекты перестройки таможенной системы во всех ее звеньях. Он одним из первых заметил несоответствие внутренних таможен целям развития товарооборота, а потому и ослабление их. Но предложить единую концепцию перестройки таможенной системы в целом Остерман не успел. Ничего: на Руси умных голов всегда хватало, что-нибудь придумают. Вот

только – время, время. Скорее бы, а то большие потери казна несет. Андрей Иванович по-прежнему рассуждал как государственный чиновник высочайшего ранга. И надо же: как в воду глядел мудрый Остерман, вскоре пришел конец эпохи внутренних таможен.

16 марта 1753 года граф П.И.Шувалов, занявший руководящее положение в правительстве Елизаветы Петровны, внес в Сенат проект, предлагавший отменить «во внутренних городах внутренние все сборы, кои во внутренних таможах собираются, а суммы этих сборов расположить на портовые и пограничные таможенные сборы». Для чего следовало повысить пошлины во внешней торговле с 5 до 13 копеек с рубля, а также заменить устаревший тариф 1731 года тарифом новым.

Логику для обоснования проекта подсказали записки незабвенного Остермана. Был сопоставлен среднегодовой объем провоза через 12 имевшихся пограничных и портовых таможен за пять лет и ежегодный объем взимаемых в стране таможенных пошлин. Цифры эти составили 8,91 и 0,903 миллиона соответственно. Шувалов утверждал, что без ущерба для казны можно собирать пошлину только на границах в размере около 11 копеек с рубля. С целью страховки от потерь таможенных пошлин предлагалось увеличить как сумму пошлины до 13 копеек, так и количество самих пограничных и торговых таможен. Несмотря на очевидную выгоду, споры в Сенате были жаркими. Но 18 августа 1753 года проект Шувалова был одобрен. Оставалось слово за Елизаветой. Но императрица утвердила сенатский доклад не сразу. Как знать: возможно, не хватало ей холодного взгляда такого советника, как Генрих Остерман. Тот умел убеждать коротко, со вкусом.

Именной манифест «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов» был опубликован 20 декабря 1753 года. Вышеупомянутый Андрей Иванович был бы доволен, ибо в манифесте обозначалось то зло, с которым он всю жизнь боролся. А именно: указывалось на «грабительство и воровство» при сборе таможенных пошлин, отчего происходит «купечеству помешательство в

торгах, перебойка товаров и прочие убытки». Внутренние пошлины объявлялись препятствующими «умножению и благополучию Государства и народа».

А 13 мая 1754 года последовал указ с характерным названием «О прощении виновных в утайке и обличившихся в неявке товаров, и о взятии с них за оные вновь установленные пошлины». «Имея материнское милосердие», императрица Елизавета Петровна объявляла амнистию торговцам, уличенным в контрабанде, и таможенным служащим, обвинявшимся в «небрежении их должностей». А за день до этого императрицей был подписан сенатский доклад. Он предусматривал перестройку пограничной таможенной системы по южным и западным границам. К концу 1755 года в России было создано 27 пограничных таможен, не считая шести сибирских. Кроме того, имелось 15 портовых таможен.

Заканчивалась эпоха Остермана и его единомышленников. Началась новая эпоха в истории российской таможенной политики.

1 декабря 1755 года был принят новый таможенный устав России, отразивший новые экономические реалии. В его 15 главах подробно рассмотрены были различные аспекты таможенной политики государства Российского. Призван устав был принести «общенародную пользу и облегчение». А еще «щедротою императрицы» была отчеканена памятная медаль. Обратная ее сторона описана так.

«Женская фигура с рогом изобилия в левой руке, правую открывает заставу у моста, на котором видна груженная телега, слева за рекой – город, справа – поверженная на землю караульная будка». Что и говорить: в аллегорических композициях Елизавета знала толк.

А медаль та дошла и до Остермана. Рука таможенника Рогова положила ее на скромную могилку, что приютилась в углу сельского кладбища Богом забытой сибирской деревеньки. Заметим, что заклятый приятель Остермана Меншиков, почивший на покоем погосте в Березове, такой чести удостоен не был.

Александр Матвеев,
сценарист, драматург,
член Союза писателей России